

- [Gorskie "Новые источники по истории Второй мировой войны: дневники"](#)

Дорогие коллеги, здравствуйте! Спасибо вам за то, что к нам сегодня подключились. Мы начинаем новый блок нашей лаборатории. Этот блок будет посвящён военным дневникам и, в частности, одному ранее не публиковавшемуся дневнику.

Он хранится в архиве Еврейского музея и Центра толерантности, и его мы сможем почитать и обсудить на следующей нашей встрече. А сегодня мы услышим лекцию, посвящённую специфике жанра военного дневника и специфике самого способа вести дневник в 40-х годах, в советских условиях и в условиях войны.

Наш сегодняшний лектор в особом представлении не нуждается, я думаю. Это Олег Витальевич Будницкий, историк, профессор Высшей школы экономики и директор Института советской и постсоветской истории Высшей школы экономики. Публикатор большого количества эго-документов, в том числе и военного времени. Олег Витальевич, вам слово.

Да, спасибо, Георгий. И у нас какой вообще формат? На сколько у нас лекция рассчитана?

Где-то час.

Слушатели там не завянут вообще? Я бы просто хотел, чтобы тут не было такого говорения, тем более в чёрном квадрате. Там какие-то ревью написаны. Иногда приятно посмотреть на лица слушателей. Я бы хотел, чтобы как-то это у нас проходило не в той форме, что я вещаю, а слушать, чтобы была какая-то обратная связь.

То есть, если возникают какие-то вопросы по ходу дела, то как-то... Я думаю, Георгий, вы будете вести, да? Если кто-то в английском хочет спросить, то есть вопросы, и можно его задать устно, чтобы все слышали, или написать в чат, тогда вы его озвучьте. Если по ходу дела возникают какие-то вопросы, я думаю, что это довольно продуктивная форма, особенно когда мы в таком онлайн-режиме. Это первое.

Ну, собственно, второе – это о военных дневниках. Кто их вёл, при каких обстоятельствах, кем были эти люди, почему они вели дневники и так далее. И по большому счёту эти вопросы ничем не отличаются от тех же вопросов, которые задают исследователи дневников или историки, которые используют дневник как исторический источник, пытаются что-то извлечь.

Разница лишь в том, что это война, и это в высшей степени неудобное время для ведения дневника. Ну, хотя бы потому, что все стреляют на войне. Стреляют, бомбят и много чего другое.

И как вообще технически можно вести дневник? Возникает вопрос, кто мог эти дневники вести, и сколько вообще этих военных дневников, и можно перечислять и дальше-дальше эти вопросы.

Сразу я хочу снять один такой вопрос, который всегда мне задают. Ведь вести дневники на войне было запрещено. Всегда говорят. В любой аудитории эта тема возникает. На самом деле, никакого специального приказа о том, что запрещено вести дневники, никогда издано не было. Во всяком случае, он историками до сих пор не обнаружен. Были общие представления о секретности, общие соображения о секретности. И, в общем-то, учитывая эти обстоятельства, вести дневники, конечно, было совсем нехорошим делом, если попадет в руки противника. А такие случаи, кстати, бывали. Тогда по этому дневнику можно что-то понять о состоянии противника, в данном случае Красной армии. Если даже там нет конкретных сведений о месторасположении, планах и еще о чем-то, в дневниках обычно об этом не пишут или пишут крайне редко, то там будет понятно в какой-то степени, каково состояние моральное, состояние снабжения, взаимоотношения внутри Красной армии и для противника это уже ценная информация. Поэтому часто тех, кто вел дневник, (просили) дальше не надо этого делать.

Как вспоминал Зиновий Черниловский, юрист, который во время войны был замполитом пулеметной роты, командир, заметив, что он ведет

дневник, просто взял его и бросил в печку в избе, растопленную, в которой они стояли, и сказал, что товарищ Сталин приказал расстреливать тех, кто ведет дневник. Ну, товарищ Сталин ничего такого не приказывал, но характерно представление командира, что это страшное преступление.

Есть и совершенно противоположные случаи, когда люди открыто совершенно вели дневники, более того, иногда читали их вслух товарищам, то есть никакого единства здесь не было. Видимо, по большей части это не приветствовалось, но в то же время во многих случаях люди открыто вели дневники и никто им худого слова не говорил. Иногда бывали беседы у тех, кто делал какие-то заметки с сотрудниками особых отделов.

Например, военный переводчик Ирина Дунаевская вспоминает, что с ней несколько раз по разным поводам беседовали разные особисты и интересовались, что там она записывает. Поскольку там не было ни номеров частей, ни фамилий, в общем, не было того, что есть военная тайна, то говорили, ну ладно, можешь продолжать делать записи, только смотри, чтобы ничего такого не было.

Другой случай, известный или менее известный, я бы даже сказал, скорее менее известный, Елена Каган, переводчик специальной группы СМЕРШ, заданием которой было отыскать Гитлера или его останки, так она всю войну делала записи.

Елена Каган более известна под своим литературным псевдонимом, который стал последствием фамилии Елена Ржевская. Понятно, что она вела записи, потому что до начала войны она была студенткой литературного института, она хотела быть писателем, потом действительно и ею стала, и на войне она пыталась делать записи и, собственно, делала. И впоследствии, когда я познакомился с ее этими тетрадями фронтовыми, понятно, что очень многие ее вещи, они просто выросли из этих записей, и это, в общем, такие литературно обработанные дневники военного времени.

Так вот, когда они действительно обнаружили труп Гитлера и было произведено вскрытие, вскрывала, кстати, женщина Анна Маранс, главный патологоанатом, исполняющая обязанности главного патологоанатома 1-го Белорусского фронта, майор медицинской службы. Останки были ужасно обгоревшие, понять, кто это был такой, было крайне сложно, но челюсти – зубы, оказались в прекрасной сохранности, ведь это стопроцентный идентификатор личности. И Елена Каган, лейтенант, она, в общем-то, записывала, что там происходило и так далее.

Потом им сказали, что это все страшный секрет. Одним из парадоксов общесоветской политики было то, что об обнаружении трупа Гитлера не было объявлено. Это, можно говорить, полишинели.

В общем, на Западе о том, что произошло с Гитлером, хорошо знали. Эту информацию было невозможно скрыть при определенном количестве свидетелей, теми, кто успел убежать из Берлина и так далее. Но, видимо, сообщили, что Гитлер покончил с собой, но об обнаружении трупа не сообщали.

И, возможно, это была такая вот страшилка, что, смотрите, может быть, Гитлер скрывается, поэтому нужно быть всем начеку и так далее. Это мои домыслы, но я не знаю, чем еще можно это объяснить. Так вот, Елена Каган, она тщательно заштриховала (в дневниках) все то, что касается зубов Гитлера.

Тетрадь она все-таки не уничтожила, но вот это все было заштриховано. Она давала подписку о неразглашении, и это, в общем, хранилось, так сказать, ну не за семью печатями - но хранилось у нее дома, и она никому не рассказывала до тех пор, пока не опубликовала двадцать лет спустя после этих событий, книжку под названием «Берлин, май 45-го года. Записки военного переводчика», где вот впервые поведала миру обстоятельства всего этого дела. И хотя это произведение называется «Записками», это, конечно, не совсем записки, это вот такой текст, написанный на основе дневника.

Возвращаемся к тем, кто вел дневники и почему эти люди вели дневники. Ну, во-первых, это люди образованные, по крайней мере, если не закончившие среднюю школу. Это уже был очень образованный человек в предвоенном Советском Союзе.

И, кстати, надо понимать, что идея культурной революции и так далее — это такой большой советский миф. В каком плане миф? В том плане, что накануне войны население было все-таки еще не слишком грамотное. Если мне память не изменяет, то на каждую тысячу взрослого населения приходилось 70, ну, там, с долями цифры, я называю, конечно, крылья это целого, порядка 77 человек со средним образованием и 6 и 7 человек - с высшим образованием.

Так, их очень немного. И это, как правило, это городские жители. Львиная доля населения страны, что там она думала, как переживала войну, нам это известно крайне плохо. Львиная доля — это крестьянство, это сельские жители. Их накануне войны еще две трети населения по переписи 1939 года. Так что вот те, кто ввел дневники, это представители меньшинства. Меньшинства незначительного образованного городского и еще имеющего обыкновения что-то записывать. Да еще в тех условиях, когда во многих случаях, и, пожалуй, в большинстве записывать, в общем, не рекомендовалось, или запрещалось.

Так, и казалось бы, что при этих условиях у нас считалось до, я не знаю, лет 20 тому назад, что военные дневники — это совершенно уникальное явление, что их крайне мало.

Их действительно крайне мало, если сопоставлять общую численность Красной армии. Общая численность Красной армии, - вот кто скажет на вскидку, какова численность Красной Армии за время войны? Предположим.

30 миллионов.

Ну вот видите, замечательно. Так, лучше вы знаете. Но, не совсем. Несколько больше. 34,5 миллиона. 34,5 миллиона — это предвоенная армия, пятимиллионная, более чем пятимиллионная, и 29,5 миллиона человек мобилизовали, призвали в армию в годы войны. Так, значит, конечно, это ничтожная доля.

И, скажем, речь поначалу шла о десятках дневников. Выяснилось, что их сотни, по минимуму нам известные и опубликованные по большей части. И, скорее всего, тысячи.

Тысячи, которые... Есть надежда, что они где-то сохранились. Прежде всего, в домашних архивах. Плюс к этому некоторые, возможно, не были уничтожены сотрудниками спецслужб при аресте, потому что в ряде случаев введение дневника служило основанием для ареста. Если человек что-то такое записывал или кто-нибудь на него донес.

Иногда эти дневники, довольно редко, сдавались на хранение в архивы государственные. Но, по большей части, они обнаруживаются в домашних архивах.

Я иногда веду передачи на радио «Эхо Москвы» в программе «Цена победы» и я несколько раз заканчивал свои передачи призывом, обращением, что если у кого-то есть в домашних архивах дневники или какие-то документы военного времени, не позднейшие, через 50-60 лет взятые интервью или воспоминания, записанные кем-то, а дневники, записанные тогда, писавшиеся тогда, здесь и сейчас. Когда человек не знал не только то, что с ним будет завтра, но иногда и не знал, будет ли он жив сегодня вечером. И, к моему удивлению, люди откликались и присылали сканы, иногда передавали оригиналы дневников из самых разных мест.

Там, я не знаю, Новосибирск, Москвы, Штутгарт — самых неожиданных мест. До Нью-Йорка приходили какие-то дневники или дневниковые записи, иногда переписанные, к сожалению, впоследствии авторами. Иногда бывали случаи, когда родственники переписывали и на дневниках явные следы редакции в этом случае.

Если нет оригинала, то, конечно, к тексту нужно относиться крайне осторожно и проверять. Например, очень интересный дневник «Медсестры» мне прислали. Ещё там замечательно, и видно, что там какие-то моменты действительно писали здесь и сейчас, и вдруг там идёт что-то о фильме «Кубанские казаки», который, как известно, был снят после войны.

И понятно, что в 1942 году вспоминать о счастливой жизни по фильму «Кубанские казаки» автор дневника никак не могла. Но все мои попытки... Причём переписала дневник сама автор. А её дочка упорно не хотела предоставить оригинал.

«Мама так хотела, я в таком тапе должна быть». Вот такие бывают случаи. Это не означает, что любой переписанный дневник на самом деле как-то отредактирован.

Бывает, что действительно, когда рассыпающиеся листочки, тогда уже люди переписывали, перепечатавали и так далее.

Что ещё можно сказать об авторах дневников? Почему писали, кто писал? Писать на передовой дневники практически невозможно. Хотя случаи такие бывали. Не частые, но бывали, когда дневники писали люди и в том числе в ходе боевых действий. Я об одном таком дневнике расскажу поподробнее.

Чаще всего это офицеры или командиры, как они их называли до конца 1942 года, когда были офицерские звания, нередко это переводчики, сотрудники - работники штаба - штабные работники, политработники. Конечно, немало текстов осталось от журналистов, которым разрешалось делать записи, - военных журналистов. И писали люди, не имевшие к литературе какого-то отношения, но мечтавшие стать писателями впоследствии.

Это не единичный случай. Скажем, Борис Сурис, одессит, он немножко иронично писал, что «я хочу написать р-роман». «Роман» писал там с тремя «р».

Ну, шуточки-шуточками, но он между делом выписывал фамилии немцев, которых допрашивал как переводчик, для того, чтобы использовать их в будущем романе. Ну, роман он в итоге так и не написал. Написал замечательный дневник, он опубликован - оригинал дневника Бориса Суриса. Он стал художником. Его дети, внуки уехали в Израиль, и здесь где-то у них есть оригинал дневника. Дневник опубликован в Москве, замечательно интересный, но вот такое ощущение, что какие-то фрагменты там опущены.

Олег Витальевич, извините, пожалуйста, что перебиваю, но у некоторых не видно демонстрации экрана. Вы бы могли ее выключить и включить снова?

Она приостановлена просто.

Да, приостановлена.

Она просто приостановлена, я потом ее, значит, продолжу. Пока только заголовок, больше ничего.

Как я уже говорил, Елена Каган собиралась стать и стала писателем. Ирина Дунаевская вела такие дневниковые записи и говорила, «а может быть я, вот такая простая девчонка, когда-нибудь напишу книгу о войне?». Ну, простая девчонка вообще-то училась на Восточном факультете Ленинградского университета. В общем, хорошо или плохо, но владела немецким языком и так далее.

После войны стала относительно известным историком-востоковедом. Занималась Древним Востоком, сектами. И там любопытные такие вещи. Она поступила, по-моему, на русское отделение, потом она перешла на иностранное отделение, потом уже на востоковедение. И в одной из своих записей она досадует, что она читает раннего Табриана в переводе, потому что в оригинале достать невозможно. А она такая была, простая девчонка.

Вот кто был совсем, ну, в кавычках, конечно, простой, простых людей вообще не бывает, и мечтал тоже стать писателем, это Владимир Гельфанд. Вот о дневнике, которого я сейчас расскажу подробно, потому что, я смотрю, люди уже стосковались по картинкам, говорящая голова немножко утомляет. И дневник, которого ваш покорный слуга вместе с сотрудниками Татьяной Львовной Ворониной и Ириной Махаловой опубликовали с подробными примечаниями, иллюстрациями и так далее.

Но история такова. История такова этого дневника, точнее, этой публикации. Мне, собственно, попадались в интернете такого, ну, скажем, любительского плана публикации этого дневника.

Но это сложно было назвать публикацией, потому что явно были соединены вместе разного рода документы. Там дневник, какие-то заявления, характеристики, письма, явно есть какая-то путаница в словах и так далее.

Рассказывая в одной из передач, посвященных военным дневникам, я упомянул об этом дневнике, потрясающем, который потрясает двумя вещами. Во-первых, своим объемом. Он начат летом 41-го года, а завершается осенью 46-го, когда автор дневника, служивший в Германии в оккупационных войсках советских, собственно, уже демобилизовался и едет домой, в Днепрпетровск.

И, во-вторых, совершенно запредельная откровенность. После этой передачи на радио позвонил сын автора дневника. Автора дневника уже не было в живых, он, к сожалению, прожил не очень долгую жизнь, в 60 лет скончался.

Сын позвонил, он живет в Берлине, Виталий Владимирович Гельфанд. Он позвонил на радио, там дали мой телефон, он сказал, что хочет издать его в России. Дневник к этому времени вышел, часть его, по-немецки, и был переведен даже на шведский язык.

Но там та часть, которая посвящена была только его пребыванию в Германии. Сначала в качестве завоевателя, а потом в качестве офицера оккупационных войск. Ну и настал момент, когда я начал говорить, что нужно еще сканы всего этого делать, потому что явно что-то нужно расшифровать, как-то систематизировать и так далее.

Но в один прекрасный день я оказался в квартире Виталия Владимировича в Берлине. И меня еще интересовало: гигантский объем, как это все было возможно?

Там стояла такая коробочка. Это коробочка, в которой были сложены записные книжки, отдельные листы и вообще все, на чем можно было писать. Бумага была, конечно, страшным дефицитом в военное время. И вот смотрите, значит, фрагмент дневника.

Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Дневник В.Н. Гельфанда
Фрагмент записи от 23
и запись от 25 октября

...жителей.
Так, одна еврейка, например, в очереди заявила: «Как хорошо, что вас теперь бьют».

25.10.1941

Ее избили и после этого хотели отвести в миввино, но она успела улизнуть. Таких действительно мало бьют. Такие люди-евреи еще большие антисемиты, нежели любой русский антисемит. Она глупа и еще длинноязыка.

Но все-таки я не люблю этих казаков за немногим исключением. Украинцы меньше антисемиты. Русские Запада – Москвы, Ленинграда – еще меньше. Я не понимаю, как можно быть таким жестоким, бессердечным и безобразным, каким является Северокавказский казак.

На всеобщее, к слову, открыто (во время перерыва), в присутствии командиров отделений ребята рассказывают, что во время бомбежки Минеральных Вод, евреи подняли крик, начали разбегаться, побросав вещи, а одна женщина-еврейка подняла кверху руки, неистово и пронзительно крича. Слушатели смеялись и никто не попытался пресечь эту наглую антиеврейскую пропаганду. Мне было обидно за евреев. Гнев душил меня, но я не смел слова сказать, зная, что это еще больше обидит всех против меня и вызовет взрыв новых издевательств надо мной.

Сегодня написал три письма. Маме, тете Бузе и дяде Лева.

Днем был папа. Он стал еще невозможней. Когда он зашел – началась воздушная тревога. По радио надоедливо напоминали об этом. Я сказал, что у нас в Днепропетровске не повторяли так часто и что это действует на нервы. Папа перебил: «Я спешу, столько дней не был, а ты мне глупости говоришь!» Это меня обидело, а когда через несколько минут и ему надоело, (он сказал, что это неприятно действует на слух) я напомнил ему, что за такие же слова он меня только что ругал.

Вот так это выглядит, и это расшифровка. Это расшифровка, которая была сделана для этого текста. Вот еще один фрагмент.

Дневник В.Н. Гельфанда.
Фрагмент записи от 7 мая 1942

В нашей команде, оказывается, все беспартийные, за исключением меня. Это хорошо – буду проситься политруком. Все зеленеет, все цветет, на широких просторах земли Советской. Хочется жить, работать, и наслаждаться природой, и потому еще сильнее проникаешься ненавистью к гитлеровской шайке разбойников. Месть, священную месть беру я в своем сердце.

Видите, как это записано? Вот это то, что было записано в 1941, а это в 1942. Второе - это Церетели и вокруг запись. Видимо, это вырвана страница из книги с сочинениями Церетели. Есть где писать, и тут идет запись.

Чем замечательный этот дневник? Несколькими вещами. Во-первых, его автор очень наивный. Он практически со школьной скамьи, но с небольшим периодом, пока ему не исполнилось 18 лет, не был призван в армию. Он служил электриком в Ессентуках. Он вот был таким полусформировавшимся полуподростком, полуюношей.

Вот он этот дневник ведет. Не знаю, может быть, он вел дневниковый этап еще раньше, но он начинается в 1941 году. И первая его реакция (на начавшуюся войну)... «Кстати, вот тоже началась война, но теперь придется изменить планы на каникулы».

Действительно, планы на каникулы пришлось изменить. И он...

Дневники всё-таки ведут обычно, имея в виду какого-то читателя будущего. Даже если декларируешь, что всё это для себя и так далее, но как-то человек до последней такой откровенности обычно не идёт.

Здесь другой случай. Здесь это чрезвычайно откровенно, просто в высшей степени откровенно. Он пишет о себе какие-то крайне нелицеприятные вещи, которые, не знаю, более взрослый человек, наверное, не стал бы записывать. В том числе и свои какие-то неприятные поступки и так далее.

Что ещё в этом дневнике поражает, кроме его объёма, продолжительности и откровенности? То, что это пишет человек из

реально боевых частей, он минометчик, хуже, в смысле ближе к смерти, только пехота, и он эти записи продолжает вести во время обстрела, во время боев.

После того, как в один конец окопа Лидного попал снаряд, тех, кто там находился, убило, а он опять чудом уцелел. Вообще за все время войны он был один раз ранен в палец, это была крайне неприятная штука, потому что там возникло нагноение, панариций и так далее, он попал в госпиталь, долго его приводили в чувство, но ему, конечно, в этом плане повезло, потому что он был в очень горячих боях, особенно, скажем, осенью 43-го года в боях за Украину, довольно страшных, просто чудовищных сражениях, и он там просто потерял счет дням, он не знает, какое число, но продолжает записывать.

Некоторые записи просто такие ужасающие: он разговорился, значит, с девушкой, с санинструктором, ну, явно она ему понравилась, он отмечает, его все время обходят, обделяют наградами, он очень это переживает, вот девушка с медалью и так далее, они с ним поговорили, что-то у нее было, значит, там какое-то плохое предчувствие, но для нее все будет хорошо, начинается обстрел, и он галантно уступает ей свой окоп, который он отрыл индивидуально, но он глубже, и сам там где-то тоже залег, и снаряд попадает именно в этот самый окоп, который он уступил девушке, и он так описывает, что от нее осталось, там нога, там еще какие-то части тела, в общем, как-то это он заставил солдат собрать, похоронить, записал на дощечке, кто это и так далее.

Что важно в данном случае, кроме вот таких поразительных и устрашающих вещей, показана такая реальная война, то, что это все можно проверить. Есть же, по счастью, электронные базы данных Министерства обороны, общедоступные, например, "Мемориал", и можно пойти на базу данных "Мемориал", набрать фамилию, имя этой погибшей девушки, и убедиться, что Гельфанд действительно это записал как раз в день ее гибели и так далее. Также можно прочитать о ней в связи с ее наградой в базе данных "Подвиг народа", где собраны наградные листы всех участников войны и так далее.

Что еще характерно для этого дневника, он вообще ничего не приукрашивал. В армию на фронт он попал рядовым, стал сержантом в период Харьковской катастрофы в мае 1942 года, когда Красная армия пыталась осуществить наступление, освободить Харьков, но план был неудачен, неверно оценили силы противника, как раз здесь немцы готовились к наступлению, сильнейший контрудар, Харьковское окружение, колоссальные потери, и после этого как раз Красная армия стала откатываться к Дону, а потом и к Сталинграду. Вот этот вот тяжелейший момент он описывает, и у некоторых авторов дневников есть такое свойство, как-то, если не приукрашивать, то, во всяком случае, не слишком расписывать какие-то негативные моменты. Он пишет все и без прикрас.

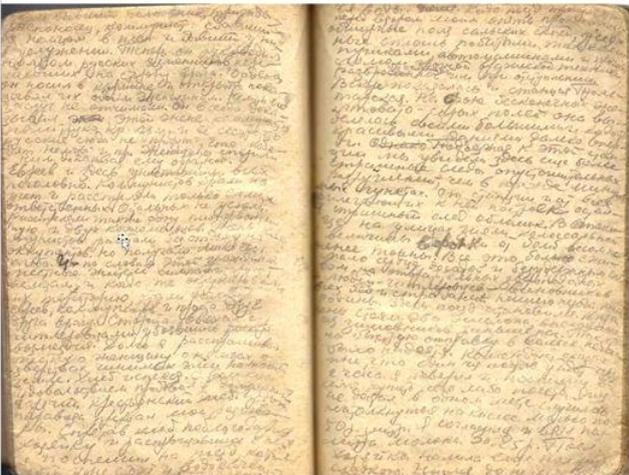
Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Home Insert Design Transitions Animations Slide Show Review View Add-ins

Outline

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ДНЕВНИКИ

Дневник В.Н. Гельфанда.
Фрагмент записи от 13 марта 1943 г.

Oleg Budnitski

... бывший полковник, трижды краснокоже, коммунист, сдавший немцам в плен и бывший в них в услужении. Теперь он руководит полком русских пленников, перебежавших на сторону врага. Орелки он носит в кармане. Он открыто показывал из обоев женщинам немцы его задули не отпиливая. Он всегда доказывал этой женщине коммуниста и полчища Красной Армии, а также ее сестре, что русские сюда не привезли, что последние немцы и прочее. Женщина спорит с ним, доказывая ему обратное.

Барен и здесь уничтожили всех поголовно. Коммунисты брали на учет и расстреливали только самых ответственных. Остальных не успели. Расстреляли также одну швейцарку и двух коммунистов. Женщины коммунистов работали без оплаты на оккупантов и получали лишь 200 грамм хлеба, но по словам этой трагедии: местные жители симпатизировали немцам. И когда те оккупировали их территорию, стали выдавать егерям коммунистов, и просто друг друга врагу. Староста выехал с гитлеровцами, убоявшись возмездия. Длго местная женщина рассказывала мне о немцах, о зверствах, чинавших они на нашей земле.

Хлеб испекал. С великим удовольствием пробовал и домашний, горелый крестьянский хлеб.

Гудок парохода прервал мою разговору. Стрелка хлеб, поблагоухав хозянку и распрощавшись в посылках на поезд, который уже стоял у вокзачка. Пароид собрался нажить в воду.

Когда поезд тронулся - перед глазами мои опять промелькнули обширные поля сельских степей, углубленные склоны, побывавшие там, ищащими, затопляемыми и прочим логом грозной вражеской техники, брошенной на при отступлении.

Вскоре показались станции Прозетерка. На фоне бесконечных железнодорожных путей она выделялась своим большим, когда-то красноватым зданием. Подъездная к станции, увидел здесь еще более страшные следы исторических разрушений, чем в предке мнимых пунктах. От станции и от всех прилегающих к ней построек, остались лишь страшный след обломков. В станции на улицах много колесных колесных вагонов и от боковой вагона не менее тонны. Все что было сделано сердце досады и безудержным гневом на отрицательных и шепотомых людей-гитлеровцев, виновников всех этих бед и страданий нашего народа.

Здесь поезд остановился. Рядом стояли два вагона, выходящие из Ленинграда на равные нас. Так что на быструю отправку в Салск ничего было надеяться. Командит сказал мне, что один из поездов уйдет через два часа. Я поверил и поспешил в село кушать посты.

Ван не достал. В одном месте случилось напиться на какое молоко на 50 рублей за литр. Я взял поллитра за 25 рублей. Поезда навозка еще поллитра, сладкого. Наказ довозила. Вздучка живот, и не мог более время.

Но, возможно, самая интересная часть его дневника связана с пребыванием в Германии.

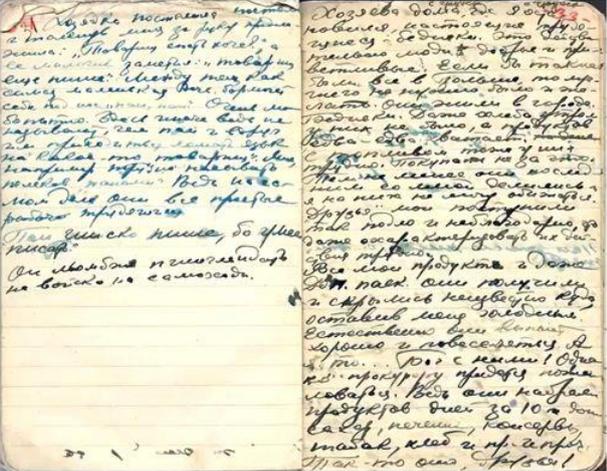
Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Home Insert Design Transitions Animations Slide Show Review View Add-ins

Outline

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ДНЕВНИКИ

Дневник В.Н. Гельфанда.
Фрагмент записи от 24 октября 1944 г.

Oleg Budnitski

Хозяйка постелила постель, и толкнув меня за руку, предложила: «Товарищ спать хочешь?» А ее мальчик заметил: «Товарищ еще пиши», — а маленькая дочь бормочет себе под нос: «Пан, пан». Очень любопытно. Здесь иначе язык не называют, чем пан, и вдруг им приходится ломать язык на какое-то «товарищ». Мне, например, трудно называть поляков «панями», ведь на самом деле все они простые трудящиеся.

- Пан шинско пише, бо умее писать.
- Он любяще пишидлять на войско, на самоходы.

Село Грудук. Хозяйка дома, где я остановился, — настоящие трудящиеся-бедняки. Это действительно люди добрые и приветливые. Если бы такие были все в Польше, то лучшего не нужно было и желать. Они жили в городе. Бедняки. Даже хлеба утром у них не было, а продуктов едва-едва хватает. С топливом тоже у них трудно - покупать не на что. Тем не менее они последние со мной делились, и я на них не могу обижаться.

«Друзья» мои поступили так подло и неблагодарно, что даже охарактеризовать их действия трудно. Все мои продукты и даже дощак они получили и скрылись неизвестно куда, оставив меня голодать. Естественно, они выпьют хорошо и повеселятся. А я то... Бог с ними! Однако прокурору придется пожаловаться. Ведь они набрали продуктов дней за десять — дощак, консервы, печенье, табак, хлеб, и прочее и прочее. Так-то оно, друзья!

Вы знаете, что на тему Красной армии в Германии, взаимоотношений с местным населением, скажем, не всегда джентльменским обращением с немками, у него в дневнике написано об этом, есть там полемика на эту тему и так далее. У него в дневнике довольно подробно расписаны и некоторые эпизоды, которые он наблюдал, и его собственные взаимоотношения с немецкими женщинами. Например, вот запись от 15 мая 1945 года.

Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Дневник В.Н. Гельфанда
Запись от 10 мая и фрагмент
от 15 мая 1945 г. Oleg Budritskii

10.05.1945

Вчера утром произошло незабываемое событие. Немцы согласились на полную безоговорочную капитуляцию. Скупно, но торжественно сообщали об этом газеты.

15.05.1945

Несколько дней назад я встретил возле столовой двух красивеньких немоч-девушек. Разговорились. Они меня сравнивали с итальянцем и говорили, что у меня очень черный волос, делали комплименты, о чем я не преминул заметить. Слово "комплимент" вызвало почему-то у них восторг, и обе, всплескивая руками, выразили мимикой свое...

«Несколько дней назад я встретил возле столовой двух красивеньких немецких девушек, разговаривали, они меня сравнивали с итальянцем и говорили, что у меня очень черный волос, делали комплименты, о чем я не преминул заметить. Слово "комплимент" вызвало почему-то у них восторг, и они плеском руками выразили мимикой свою радость», ну и так далее.

Но в чем тут интерес всей этой истории? Девушки были не одни, с ними была мамаша, и они хотели еды. Он им вынес каких-то пирожков, и они пришли в полный восторг. Мамаша явно пришла поторговать своими дочками, дочки, видимо, тоже были не против, но Гельфанд это, как бы, не совсем понял.

А он вообще, одна из таких центральных тем его дневника, девственность такой, да, и он все как-то хочет с этой девственностью своей расстаться, и все никак не удается. Хотя во многих случаях его просто укладывают в постель, но он как-то отдалается, не знает вообще, как себя вести. Со своей этой невинностью он расстался в Германии с немкой.

Причем тоже любопытная история: что такое начитанный мальчик. Он разбирал одну из немецких библиотек, чтобы эти книги отправить в Москву, в СССР для компенсации ущерба, нанесенного немцами, и он ужасно переживает по этому поводу. Почему? Ведь тут же будут строить социализм, а он убежденный советский человек, да, тут же будут строить социализм, и как же они без этих важных книг, да, им будет трудно.

В одной из книг он прочел - полностью медицинская книга, - и то, что он там понял по-немецки, он понял, что если вот сейчас с ним этого не случится, то все, потом, значит, ничего не получится. Он вышел на улицу, позвонил немку, первую попавшуюся, и предложил ей с ним переспать.

Та согласилась, почему согласилась, довольно очевидно. Когда советский офицер говорил, иди сюда, то отказываться это было не принято, ведь у него, кроме всего прочего, был пистолет на боку. И он описывает свое грехопадение в мельчайших подробностях.

Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Дневник В.Н. Гельфанда.
Фрагмент записи от 21 января 1946 г.

..в окрестности. У входа в лагерь контроль сильный: несколько офицеров всех рангов, до подполковника. Все спрашивают куда, зачем, и тщательно проверяют документы.

Смотрел кинокартину «Морская пехота», ленинградской студией сработанную. Не очень сильная, но интересная вещь. Офицеров развлекают, но их тяготит застенок, в котором их хотят удерживать.

Много старых знакомых. Меня узнавали, а я не всех - память проклянутая!

Вешевую книжку получил быстро и легко, хотя вполне свободно мне могли ее не выдать, ведь прошло столько времени.

В голове росли дурные мысли: был шестой день моего отсутствия из части. Как отнесется майор Скорокин и капитан Ануфриев к этому? Может и на работу не примут больше и отшлют в бригаду, тогда я потеряю свою комнатку и хорошую службу - я люблю такую жизнь и работу, в разряде, где впечатления и весь водоворот жизни в движении.

Дальше уже он пустился во все тяжкие, и наивный уже перестал совсем походить на наивного мальчика; стал завсегдатаем черного рынка, познакомился не с одной немецкой женщиной. В конце концов, это окончилось тем, чем нередко заканчивается, он заболел гонореей, и опять-таки, подробнейшим образом он описывает, как его от этого дела лечили. Лечение было совершенно варварское. Эти тексты надо давать молодым людям в пубертатный период, чтобы они понимали, чем некоторые похождения могут закончиться. В общем, все в итоге кончилось хорошо.

Из того, что я пересказываю, думаю, уже понятно, почему дневники являются совершенно уникальным источником по истории войны. Сложился уже некий канон истории войны, и то, что говорят и пишут о войне многие ветераны, подавляющее большинство, это то, что они считают правильным, и очень часто не так легко добраться до каких-то их реальных воспоминаний, у многих они в существенной степени перемешаны с тем, что они уже видели, слышали, и кроме такой понятной аберрации памяти есть еще этот переходящий момент. Когда

люди писали дневники, они не знали, как положено, они писали так, - не все, некоторые писали и тогда, как положено - как чувствовали. Не все писали то, что они видели, чувствовали, переживали.

Очень часто обсуждается в обществе, особенно среди тех, кто интересуется историей войны, или среди историков, политических деятелей, что вот сейчас откроются архивы, но они в относительной степени уже открыты, но далеко не до конца откроются архивы, и мы все узнаем, как это все было в действительности.

Ничего подобного, доложу я вам, мы многое узнаем, но далеко не все, потому что в архивах находятся документы, которые писали люди с определенными целями, и там очень много любопытного и действительно до сих пор не ставшего общепринятым достоянием. Но не нужно думать, что только архивы дадут нам представление о подлинной истории. Без вот этого человеческого взгляда, без личного опыта это бессмысленное дело, и дневники в этом плане совершенно уникальный, незаменимый источник.

Например, письма военного времени проходили цензуру, и солдаты в основном знали, что они цензуруются, и, соответственно, письма — это источник не той степени откровенности, каковыми являлись дневники.

Ну, говоря, возвращаясь к дневнику Гельфанда, что еще чрезвычайно любопытно, сохранился семейный архив, и он приобрел в Германии фотоаппарат и активнейшим образом там снимал. И у нас есть просто уникальный набор фотографий, часть вот из них дублирована в книге военные дневники Гельфанда.

Норме источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Родители В.Н. Гельфанда – Н.С. Гельфанд
и Н.В. Городинская – с маленьким
Владимиром

Oleg Budnitski

Click to add notes

Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Владимир Гельфанд – подросток

Click to add notes

Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Родственники В.Н. Гельфанда по отцовской линии, убитые немцами в Ессентуках в 1942 г.

Бабушка Владимира Гельфанда в 1942 г. убиты немцами в Ессентуках

Двоюродная сестра Владимира Гельфанда. Убита в 1942 г. немцами в Ессентуках

Тетя Владимира Гельфанда. Убита в 1942 г. немцами в Ессентуках

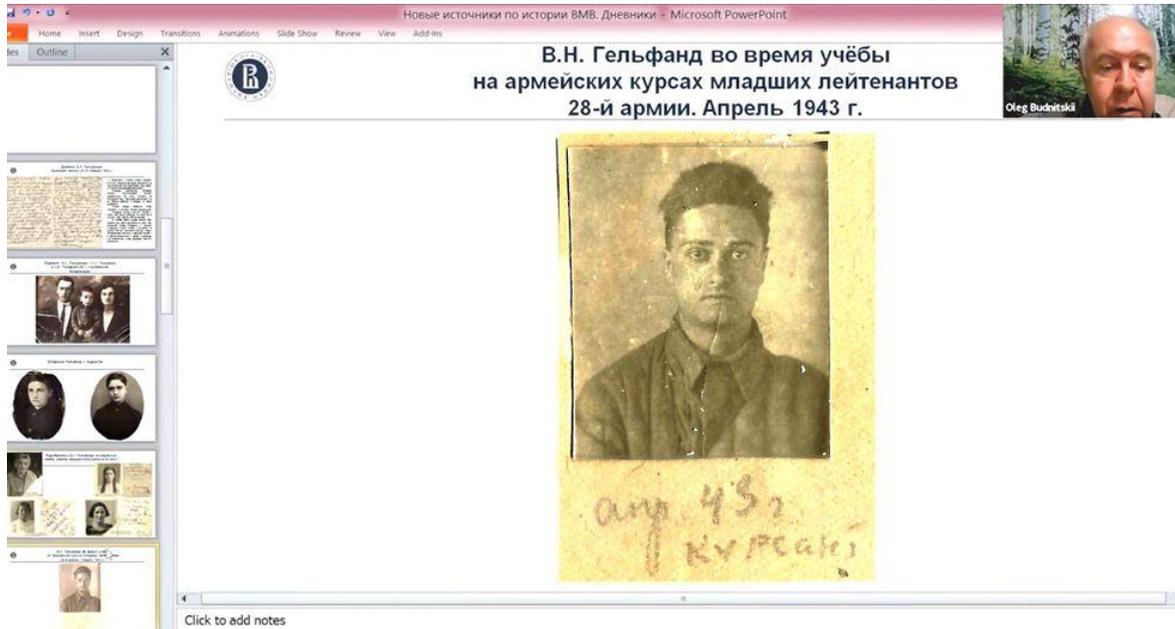
Тетя Владимира Гельфанда. Убита в 1942 г. немцами в Ессентуках

Click to add notes

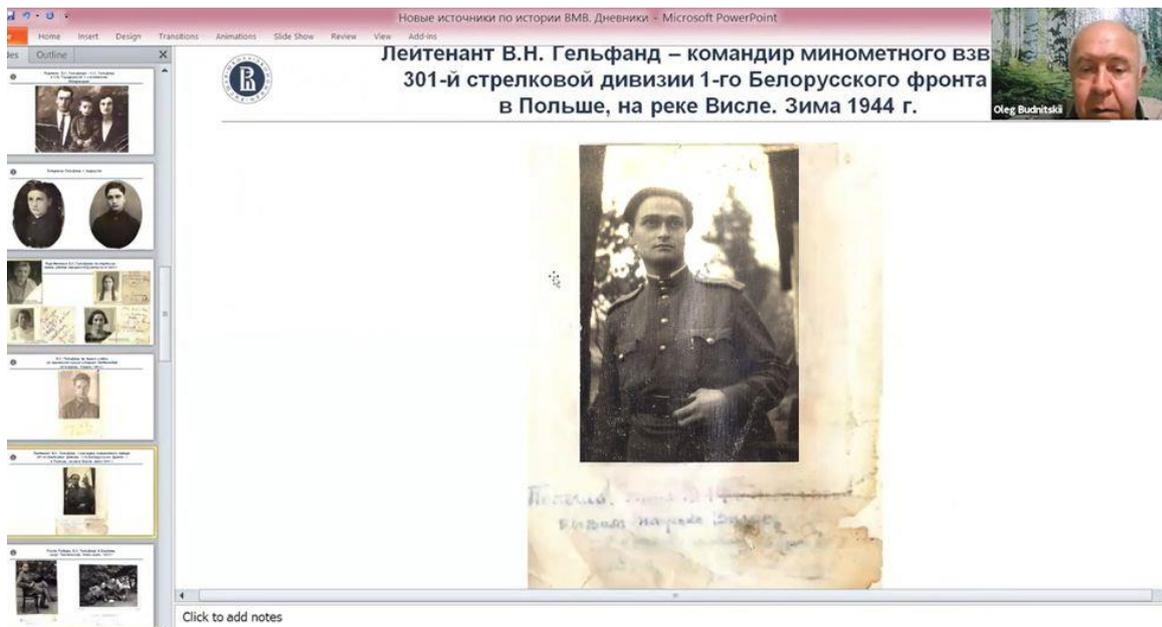
Вот это его семья, это он с мамой и папой, это Гельфанд-подросток, это его родственники по отцовской линии, которые были убиты немцами в Ессентуках в 1942 году. То, что получило впоследствии название «Холокост», было известно ему не понаслышке и задолго до того, как Красная армия освободила Польшу и обнаружила нацистские лагеря уничтожения.

У многих людей, особенно людей на Западе, «Холокост» — это прежде всего Польша, это лагеря уничтожения. Действительно, в этих лагерях была уничтожена значительная часть, относительно большая часть

евреев, убитых в период Второй мировой войны. В СССР была другая стратегия у нацистов. Евреев расстреливали в местах, где они проживали. Недалеко от этих мест, иногда там не сильно скрывались. И Гельфанд об этом узнает достаточно рано и об этом записывает.

Так вот, это Владимир Гельфанд. Он закончил курсы младших лейтенантов в апреле 1943 года. Ну а далее целая серия...

Вот это он в Польше. Вот его немецкая девушка говорит, что он похож на итальянца. Да, ведь он на самом деле чем-то похож на итальянца из фильмов.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВМВ. ДНЕВНИКИ - Microsoft PowerPoint

После Победы. В.Н. Гельфанд в Берлине, округ Темпельхоф. Июнь-июль 1945 г.

Oleg Budnitski

Берлин, Темпельхоф, июль 1945 г.

После победы.

Click to add notes

А это его серия снимков, которые делал он и его товарищи в Германии, в Берлине. Вот этот снимок. И далее, вот смотрите, это легко узнаваемые Бранденбургские ворота.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВМВ. ДНЕВНИКИ - Microsoft PowerPoint

В.Н. Гельфанд в Берлине у знаковых мест

Oleg Budnitski

Берлин. Памятник павшим в боях за освобождение города в Красном саду. В парке Рейстаг в здании в центре Бонна

Возле Бранденбургских ворот

У Мемориала павшим советским воинам в Тиргартене

Click to add notes

Это очень рано воздвигнутый уже тогда мемориал Советским воинам, павшим при штурме Берлина. И он на том же самом месте находится. Это он опять же со своими товарищами.

Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Home Insert Design Transitions Animations Slide Show Review View Add-ins

Outline

В.Н. Гельфанд с бойцами в г. Креммене (Германия, провинция Бранденбург). 10 декабря 1945 г.

Oleg Budnitski

Click to add notes

Новые источники по истории ВМВ. Дневники - Microsoft PowerPoint

Home Insert Design Transitions Animations Slide Show Review View Add-ins

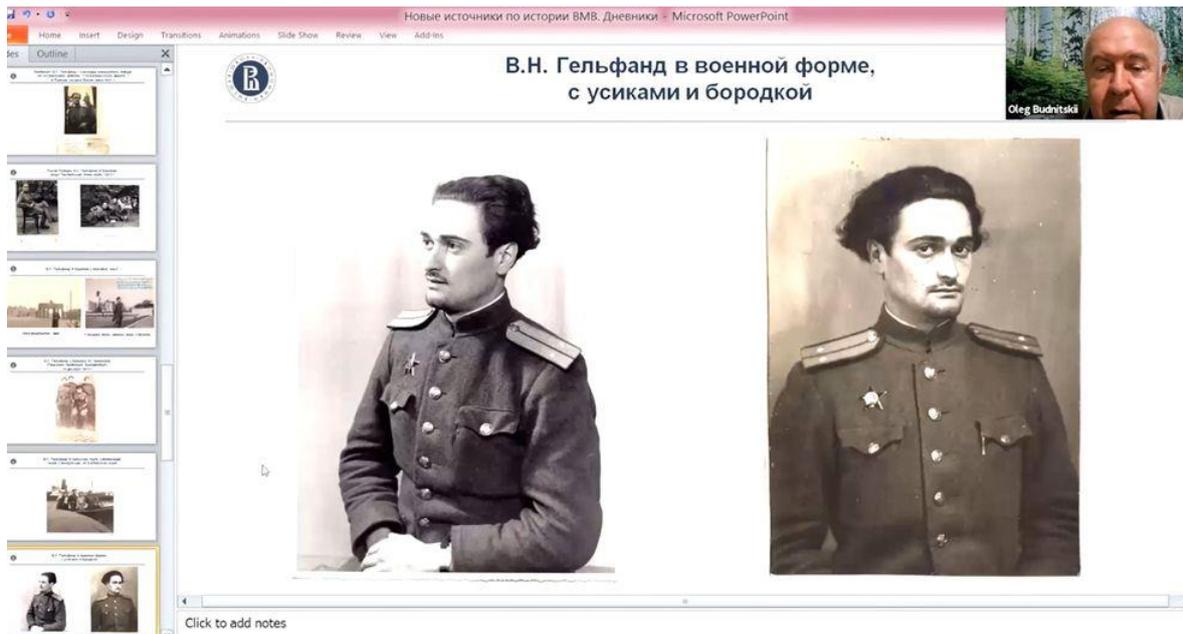
Outline

В.Н. Гельфанд в польском порту Свиномюнде (ныне Свиноуйсьце) на Балтийском море

Oleg Budnitski

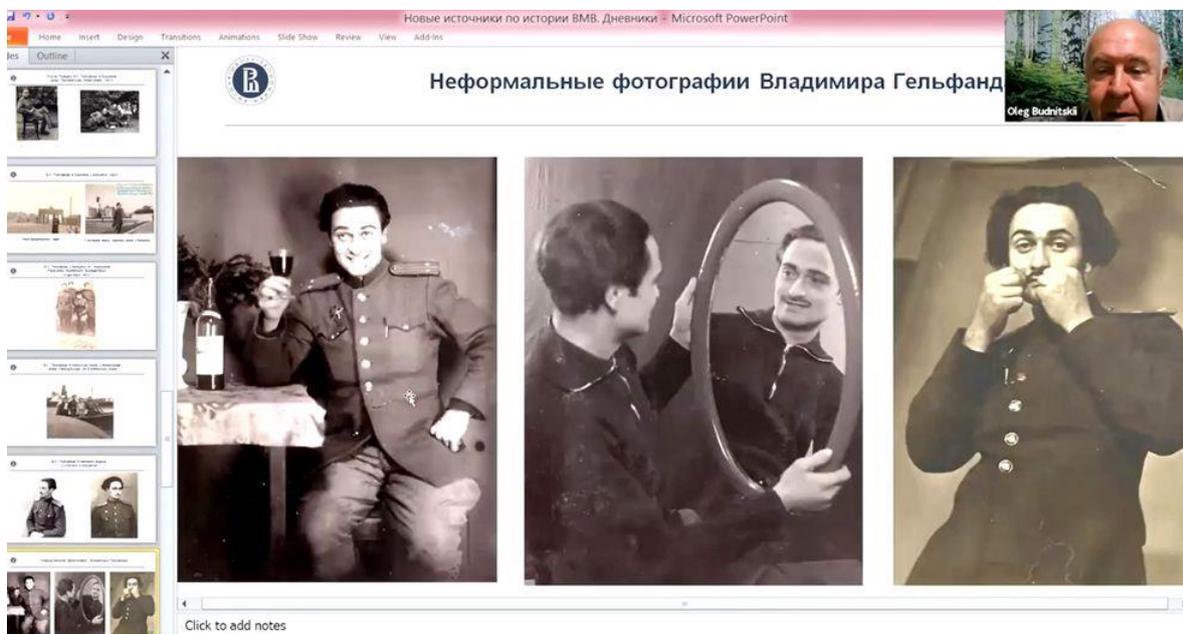

Click to add notes

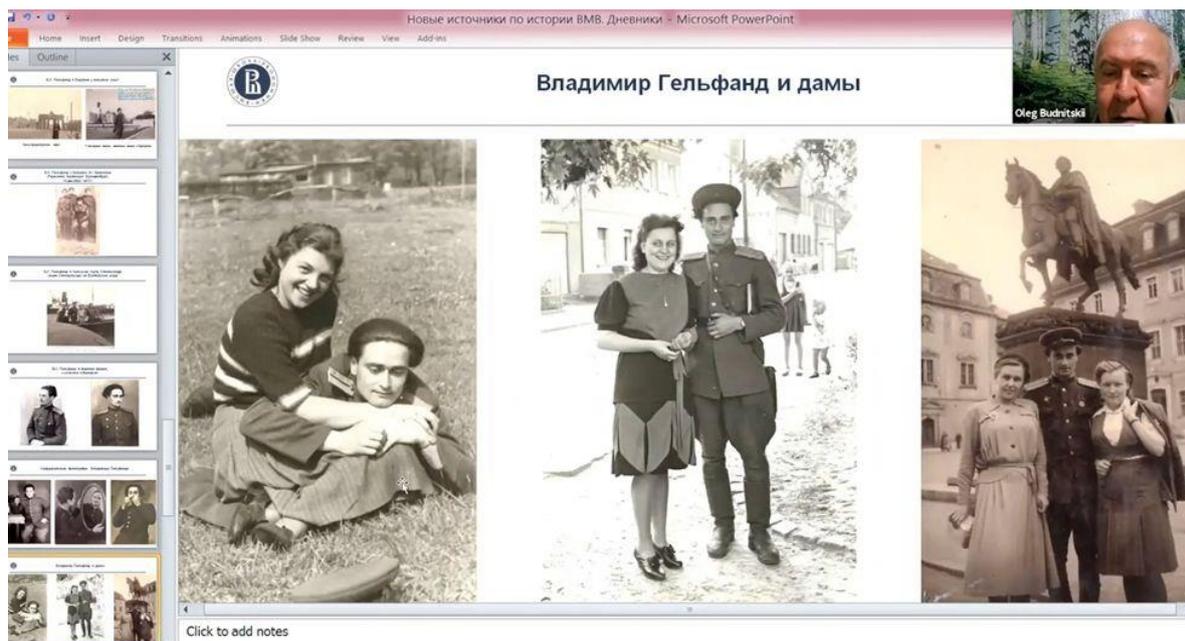

Вот смотрите, как мог выглядеть советский офицер в то время. Обратим внимание на прическу.

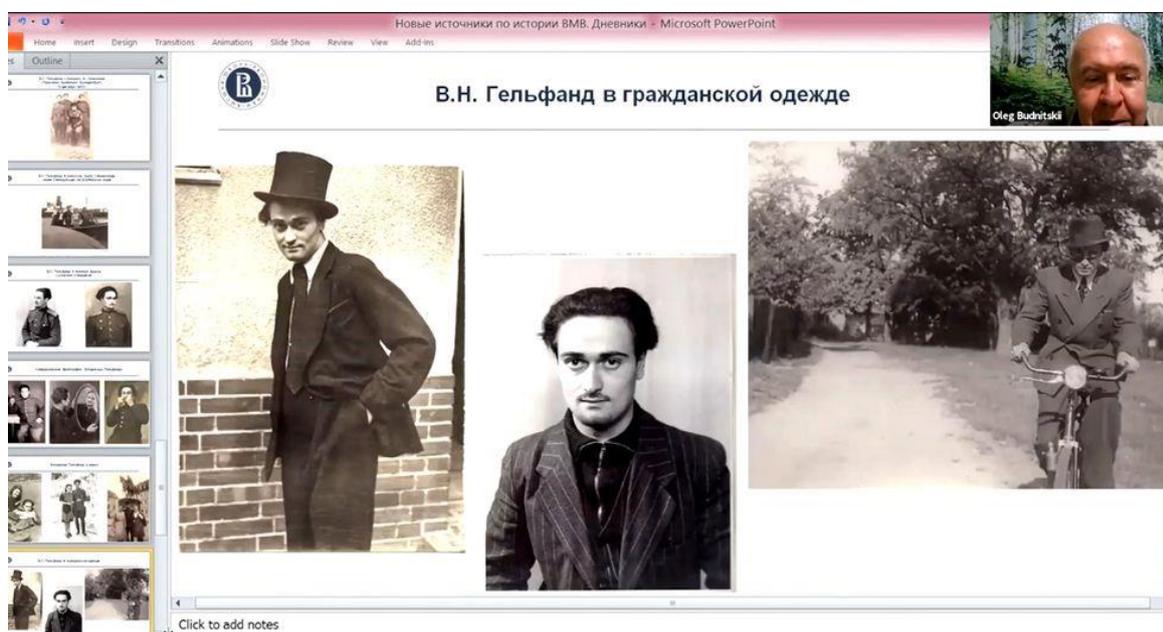
Видите, наградили Гельфанда в конце войны уже за бои 1945 года орденом Красной звезды. А это вот он, видите, так сказать, чудит. Что-то такое себе там примеряет. Усы наклеивает, еще там чего-то.

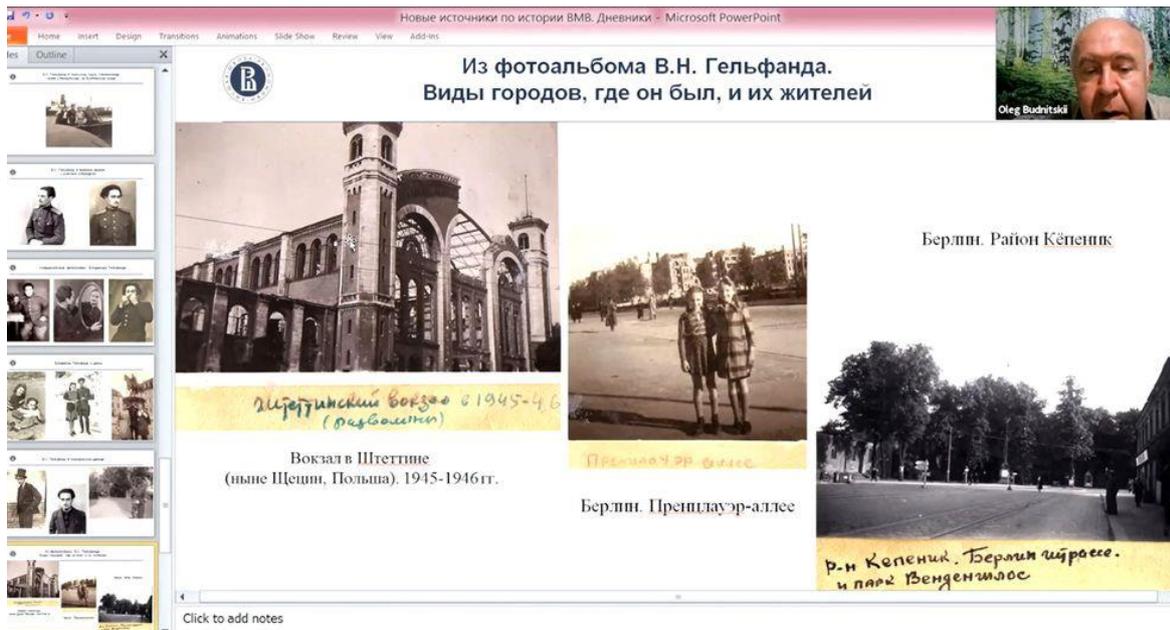

В общем, молодой человек своего времени. Это его немецкие подруги. Какая-то из них ему даже писала после окончания войны.

Вот тоже серия этих чудачеств. Видите, вырядился в цилиндр. И это виды послевоенного Берлина.

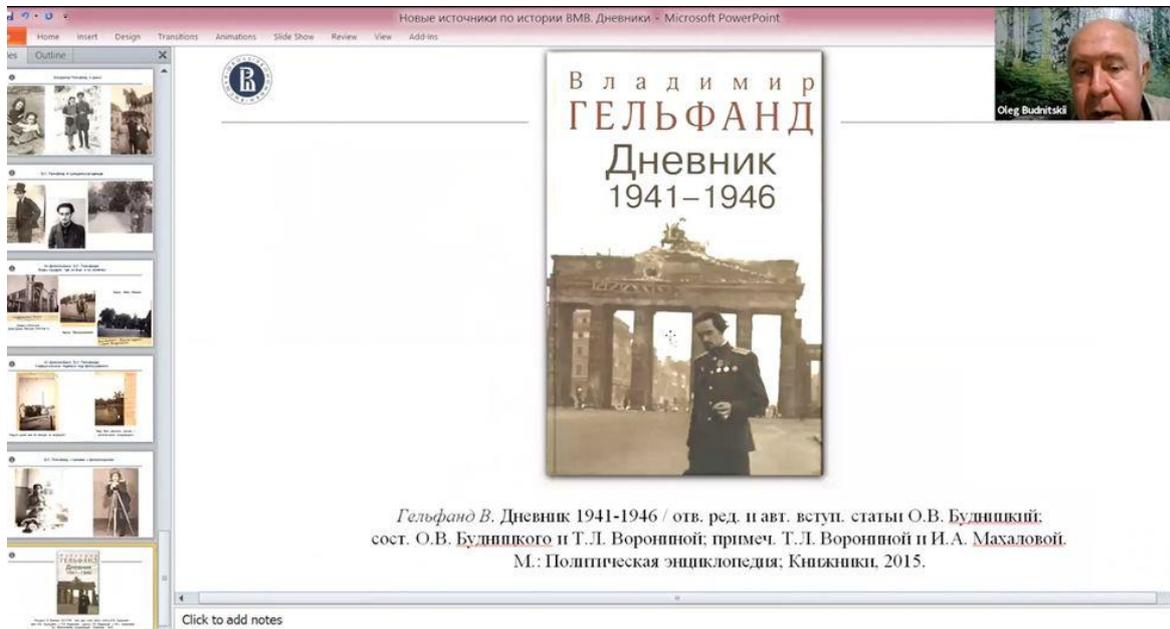
Щецинский вокзал. Щецин теперь Польский, этого вокзала уже нет. Он не существует. Разрушен.

Черный рынок. Вот это Гельфанд со своим аппаратом. Но тоже, видите, чудит. Ну, волосы у него натуральные, но вот такой, значит, образ.

Это обложка книги Владимир Гельфанд на фоне этих самых Бранденбургских ворот. Тоже, видите, с такой небольшой бородкой. Вот такая толстенная получилась книга — 750 страниц с подробнейшими комментариями.

Существует и немало других дневников. Я говорил о нескольких дневниках. Есть дневнички совсем короткие, но это не значит, что они менее ценные.

Очень впечатлил меня дневник Павла Элькинсона, сержанта-артиллериста, прошедшего практически всю войну с 1942 года, участвовавшего в Сталинградской битве, раненого и прочее. Он начал вести дневник в 1944 году. Почему? Потому что они подошли к пруту границы Советского Союза. И он записывает: "Вот мы идем за границу, я никогда, наверное, больше за границей не буду, надо это все записать."

И он побывал, действительно: в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. Вот такой, так сказать, туризм. Ну, туризм, конечно, в кавычках, потому что он восторженно совершенно пишет, что в Болгарии, Югославии так встречают, как не встречали ни в России, ни на Украине. Там бросают еду, все время вино, все время там пьяные, он так пишет все очень замечательно и так далее. А потом Болгарии же, собственно говоря, объявили войну, но Болгария тут же совершила переворот и объявила войну Германии. В Югославии встречали, конечно, освободителей.

А потом в Венгрии были тяжелейшие бои при форсировании Дуная, штурм Будапешта. И он записывает в один день, что сегодня погибло четверо его товарищей. И невольно думаешь, когда же, и он записывает, «когда же моя очередь?». То есть вот это ощущение, что ты можешь погибнуть в любой момент, оно не притупляется со временем. И уже колоссальный его военный опыт в данном случае ничего не значит. Ну, в общем, добрались они и до Австрии.

Можно привести самые неожиданные сюжеты, встречающиеся в дневниках: истории любви, юмор иногда, много чего любопытного. И действительно, почти записки туриста. Конечно, все это в кавычках.

Дневник майора Сафонова, он в Питере находится, в отделе рукописей. Он был картографом. И его задача была нанести на карту достоверную военную карту территории, которую Красная армия освобождала или оккупировала, в зависимости от того, с кем воевала, так сказать, жертва нацистов или сторона нацистского блока. И он побывал тоже в ряде стран, и особенно его поразила Австрия, в которой он мечтал побывать. Он мечтал побывать в Вене, мечтал увидеть Венский лес.

Понятно почему, потому что это Штраус «Сказки Венского леса» и прочее. И он действительно побывал в Вене, и он побывал в Венской опере, которая была частично разрушена. Впывалку спали, значит, там лежали солдаты, и он, там присел, и что-то там немножко сыграл на рояле и думал, ну, а не исключено, что когда-нибудь, значит, вдруг сам Штраус на этом самом рояле играл и так далее. И он подробно описал санки там разные и прочее, прочее. Вот такие бывают тексты, но чаще, конечно, это такая военная тяжелая повседневность.

Ну, могу привести последнее, что я прочел в смысле дневников. Это дневник Николая Гензлина, политработника. Потом политработников

сильно подсократили, и он заканчивал войну уже не в качестве политработника, а в качестве артиллерийского офицера. Ну, он и до этого был в артиллерии, ну, был там замполитом, комиссаром, потом замполитом, потом стал разведчиком в артиллерийском дивизионе. Вот.

Он описывает тяжелейшие бои на Северном фронте, сначала в районе Таганрога и Ростова в 1942 году, тяжелый период отступления, и потом на Северном Кавказе. Вот. Но он тоже дошел до Германии, да, тоже закончил войну в Германии, но там, правда, в Германии записи такие отрывочные уже.

Так что дневников не так мало, они весьма многообразны, другие писавшие очень разные, но что-то их объединяет. Объединяет, конечно, это вот такая склонность к рефлексии, я бы сказал, да, и в какой-то степени чувство Истории, неосознанные сами, да, вот как-то зафиксировать то, что происходит, и как-то у некоторых из них это отчетливо проявляется, оставить о себе память, след. Опять же, люди не знают, что их ждет завтра.

Иногда встречаются в дневниках сержанта Бориса Комского, замечательный совершенно, он хранится в архиве Балаховича в Нью-Йорке. Он там описывает, начал воевать на Курской дуге. Буквально накануне экзаменов в офицерском военном училище их просто всех погрузили, отправили, значит, вот на Курскую дугу, потому что были... Это Курский выступ, но вы знаете, что битва на Курской дуге — крупнейшее сражение в мировой истории вообще, не только крупнейшее сражение Второй мировой войны.

Остро не хватало людей, и их, недоучившихся, бросили туда воевать. Он тоже минометчик был, значит, сержантом. Присвоили им сержантов, а не младших лейтенантов, и бросили туда. И за несколько дней буквально его рота сначала превратилась из минометной в пехотную, потому что были разбиты минометы огнем противника. А потом просто ее не стало, она была полностью уничтожена. Ему повезло, потому что его ранили за день. За пару дней до этого он оказался в госпитале, вот, а все остальные — нет. Вот такая история. Очень интересный тоже дневник.

Комский тоже молодой парень, когда начинается война ему 17 лет, но вот он целиком немножко другого психологического склада, чем Владимир Гельфанд, гораздо более уверенный в себе. Закончил войну лейтенантом в Германии. Но, к сожалению, его... Германскую часть дневника, его жена впоследствии уничтожила, как он рассказывал. Так, как-то не понравилось ей то, что он там записывал.

Так что, вот такой беглый обзор дневников военного времени. Источник беспрецедентный, я бы сказал так, и его значение для понимания того, что мы называем иногда человеческим измерением войны, трудно переоценить. Так что, читайте. Это, в общем, чрезвычайно

увлекательные тексты. И это почти всегда роман воспитания, я бы сказал так.

Роман воспитания — это литературный жанр, потому что видно, как человек меняется. Меняется, особенно если дневник ведется достаточно продолжительное время, какими другими становятся авторы дневника к концу войны или к окончанию для них боевых действий. Иногда автор выбывает, потому что его ранят, и он уже не возвращается на фронт, ну и так далее.

Ну, а теперь готов ответить на ваши вопросы, если таковые имеются.

Да, еще я, значит, не сказал одну важную вещь, учитывая, что это все-таки семинар Еврейского музея, да, и Центра толерантности совместный, я понимаю, с проектом «Прожито». Как вы заметили, почти все, о ком я говорил, это евреи. Борис Сурис, Владимир Гельфанд, Борис Комский, Павел Элькинсон, Гинзбург, Ирина Дунаевская, Елена Каган.

Это не случайно. Это не случайно и не потому, что я выбирал, например, Николай Генлин - он русский, которого я упоминал сегодня, или Николай Яковлев, дневник которого я прочел недавно. Это здесь...

Почему так? Ну, потому что евреи были самой образованной советской нацией. Доля людей с высшим и средним образованием среди евреев, она в разы, в десятки раз превышала долю многих народов СССР, и они практически все были городскими жителями. Ну, почти все, подавляющее большинство было городскими жителями, в основном жителями крупных городов. И многие были студентами высших учебных заведений или их закончили.

Это же называется *precondition*. Ну, чтобы вы представили себе, да, евреев с высшим образованием в абсолютном исчислении, было больше, чем украинцев и в 7,5 раз больше, чем в Беларуси. В силу определенных причин, я не буду углубляться в эту тему. Просто скажу, что шанс на то, что среди авторов дневников будут советские евреи, был очень высок.

И действительно, среди авторов много советских евреев. Некоторые из них вообще никак не упоминают слово «еврей» в дневнике. Для некоторых это очень важная тема. Некоторые страдают от антисемитизма, как Гельфанд, например. Он даже записывает: «Почему я еврей? Почему меня угораздило родиться евреем?»

А Борис Сурис вообще совершенно не чувствует никакого такого отношения. Он пишет: «Почему-то все меня любят? У меня хорошие отношения, все меня любят». И действительно, судя по дневнику, одессит с прекрасным чувством юмора и с художественными дарованиями пользовался популярностью. Он служил в штабе переводчиком, в той части, где он служил.

Так что все было очень по-разному, люди были очень разные. То, что Еврейский музей избрал темой семинара дневники, я думаю, это очень правильное решение. Военные и невоенные дневники дают представление об истории советского еврейства, которое, опять-таки, оказывается не совсем таким, как потом принято считать и понимать.

Пожалуйста, вопросы.

Да, у меня есть вопрос. Возможно, вы упоминали это, но мне интересно, при каких обстоятельствах был найден именно этот дневник и как обычно находят военные дневники. То есть их передают потомки или они как-то случайно оказываются у вас?

Дневник Гельфанда, как я уже сказал, хранился в семье. Его автор сохранил и он пытался опубликоваться после войны. У него были статьи в газетах, какие-то местные публикации, в сборнике вышли его воспоминания. Но, конечно, публикация дневника была там невозможна. Он не вписывался ни в какие каноны, хотя Гельфанд был абсолютно советским человеком. Он, например, писал о Сталине в конце войны: «Сталин – солнце мое!». То есть он описывает всякие ужасы, непотребства и так далее, с которыми он сталкивается, но никак это не связывает с центральной властью. Более того, он пишет в военные газеты, дивизионные, армейские, и он пишет тем языком, которым положено писать. В дневнике одно, в тексте для стенгазеты – совершенно другое. Он знает, что писать надо именно так. Это характерный пример двоемыслия, о котором он даже не задумывается. Он понимает, что так и надо.

Его попытки послевоенной публикации не увенчались успехом. Всё это осталось в семье. Владимир Гельфанд скончался в 1983 году. Он 1923 года рождения. Его сын Виталий Владимирович вывез всё это, когда они уехали - эмигрировали в Германию, вся семья. Там он посвятил себя расшифровке и публикации наследия отца.

Потом об этом узнала немецкая историк Элька Шерстяной. Это она опубликовала немецкую часть дневника в переводе на немецкий. Это был бестселлер в Германии, продано около 80 тысяч экземпляров. Это гигантская цифра для военного дневника, тем более написанного иностранцем, а не немцем. Уже потом Виталий Владимирович, как я уже рассказывал, связался со мной. В итоге он всё это отсканировал. Оригинал дневника передан в Еврейский музей в Москве, где сейчас хранится, как и неопубликованная переписка военного времени. Вот такая история. Так получилось.

Другие дневники, как я уже говорил, по моему опыту, по большей части хранятся в семьях. К сожалению, многие выбрасывают эти ненужные бумажки. Но в целом, хранятся в семьях.

Да, пожалуйста. Вас не слышно. Микрофон включите.

Здравствуйте. Простите. Спасибо большое за лекцию. Очень интересно. У меня вопрос: моя коллега имеет семейный дневник своего деда Попова. Часть фрагмента она уже опубликовала в книге в Тульской области, пыталась анализировать его. И я тоже ознакомилась с этим дневником, вернее, с их семьей. Мой брат и, получается, внуки расшифровали этот дневник. Он погиб в 1945 году, к сожалению, возвращаясь и так как-то не совсем бесславно, то есть заболел и погибнув после войны. И практически всю войну он вёл эти записи. Они хранились потом в семье. И меня заинтересовал тот аспект, что он не стеснялся вообще вести этот дневник, и там достаточно резкие такие комментарии по действиям непосредственно и руководства, причём самого высокого уровня, относительно организации вот их военных действий. Скажите, пожалуйста, насколько... Вообще, мне кажется, это не очень типичное проявление. Такие элементы замалчивания всё-таки встречаются. Это было опасно, как вы правильно рассказывали. Но вы знакомитесь с таким большим количеством этих военных дневников. Как распространена вот эта практика такого критиканства и смелых обращений относительно осуждения даже действий командования? Или это вообще очень редко?

Ну, вы знаете, встречается нередко. Люди не боялись, потому что они были советские люди. И они считали, что они стремятся устранить эти недостатки. Понимаете? Вот такая вот...

Кстати, о военных дневниках у меня подробно написано. У меня вышла в этом году книга. Называется «Люди на войне». В издательстве «Новое литературное обозрение». И я эту книжку вам рекомендую почитать, если вы хотите узнать, в том числе и о военных дневниках. Но там разнообразно, на самом деле. Там значительная часть построена именно на дневниках. И этому посвящена специальная глава. Там анализируется дневник Ольги Бергольц, в том числе и не публиковавшаяся ранняя его часть. Это только что вышло. Третья-послевоенная часть дневника. Очень много уделено именно такого рода документам.

В том числе, что мы можем прочитать в дневниках и в некоторых других источниках личного происхождения. Говоря простым языком, это о взаимоотношении мужчин и женщин на войне. Которые были очень разные. Далеко не всегда романтические, романтические и прочее. Вот там у меня одна глава. Она называется «Мужчина и женщина в Красной армии».

А то, что касается истории Елены Коган-Ржевской, обнаружения трупа Гитлера, она его зубы носила в коробке под мышкой некоторое время. Это было, конечно, страшно секретно. Выяснилось, что снимок ещё не подвезли, эти спецгруппы. Ей вручили коробку, бордовую коробку из-под дешёвой бижутерии. И она её под мышкой носила, по меньшей мере, день или два. Ей было велено не спускать с неё глаз.

Представляете, ответственность, да? Зубы Гитлера. И она страшно досадовала. 9 мая, День Победы, все праздновали. Она с этой коробкой. Даже выпить невозможно тогда. Там последняя глава называется «Зубы Гитлера». Посвящена этой истории.

Внучка Елены Ржевской, переводчик Любовь Сум, замечательный переводчик, показывала мне эти тетради и предоставила для публикации в книжке некоторые фотографии из семейного архива. Чрезвычайно интересно. В том числе там сохранилась схема зубов Гитлера, которую нарисовал глава этой комиссии по исследованию трупов, обнаруженных в Рейхсканцелярии, подполковник Шкарауской. И там же поправки. Альтернативная схема нарисована ассистентом зубного врача Гитлера, Кэти Хойзеровой. Это сохранилось тоже в личном архиве Елены Ржевской. Чрезвычайно интересно.

Но много чего другого. Таким образом, это не необычно. Это бывает. Судьбы могли быть разные. Иногда всё было нормально, а иногда людей арестовывали. Например, Данил Фибих, журналист и писатель. Его кто-то из сослуживцев, видимо, штудировал его дневник и вычитал там такую фразу, что сейчас нет таких вот ораторов, как прежде, вот, Троцкий, например. Ну и всё. Десять лет. За то, что Троцкого. Это 43-й год. И Троцкий уже покойник. И вообще совершенно нейтральная фраза. Но это... Не кому-нибудь донесли, а Мехлису, который был членом военного совета фронта, на котором сам Фибих служил в армейской газете. Ну и арестован из фронта, отправлен в Лабин. Десять лет отсидел от звонка до звонка.

Совершенно советский человек. Даже более того, там записывают рассказы о том, как крестьяне не больно-то помогают выбирающимся из окружения красноармейцам. И он, в общем, дописывает, что кулачье проклятое. Не добились их там во время коллективизации тогда. Так что такой убеждённый. Я цитирую по памяти. Не дословно, но суть такая. Когда кто-то там обменял... Просили хлеба, часы есть - тогда поменяем. Поменял буханку хлеба на часы. А часы тогда были колоссальной ценой. И так далее.

То есть, если у него там есть какие-то негативные замечания, то критические в том плане, что то, что нам нужно исправить. Но вот фраза о Троцком погубила.

Иногда я работаю не только с дневниками, с разного рода источниками, в том числе с судебными материалами, например. И там встречается среди материалов военных трибуналов «вел контрреволюционный дневник», «вел дневник контрреволюционного содержания». Не часто, но встречается.

Но это замечательная идея. То, что вы рассказываете о дневниках. А дневник она собирается публиковать полностью где-то вообще?

Да, она готовится. Она будет анализировать. То есть, как социолог. Я порекомендую вашу книжку ей обязательно прочесть. Я думаю, будут публикации. И она думает о том, чтоб передать этот дневник в дальнейшем, пока она хочет сама поработать с этим. Мне кажется, может, даже передаст в дальнейшем.

Ну, понятно. В общем, если нужна будет какая-то помощь или консультация, то...

Я ей передам. Хорошо.

Институт советской и постсоветской истории на сайте Высшей школы экономики можно найти. Ну, или меня просто найти.

Дневник очень интересный. Уникальные какие-то вещи. Я с удовольствием прочитала. Было сложно его именно воссоздать. Почерк такой, как вы говорите, на чем попало писали и в каких угодно условиях. И они несколько лет потратили, все восстанавливая, пытаюсь. И приступили к анализу.

Ну, это... Расшифровать это... Это самая маленькая проблема.

Конечно, конечно.

Во всяком случае для историков профессиональных, которые работают там.

Нет, они не историки, не профессиональные, просто в семье, внуки.

Если будет нужна какая-то консультация или помощь, то пожалуйста.

Хорошо, я ей передам. Спасибо.

Пожалуйста, есть еще какие вопросы?

Вы упоминали про контрреволюционные дневники. А вы могли привести каких-нибудь авторов, которых можно было бы прочесть?

Нет, ну секундочку. Это не я говорю про контрреволюционные дневники. Это исследователи квалифицировали трибунал как контрреволюционный. Это совсем не означает, что там что-то контрреволюционное. Например, то, что Троцкий был прекрасным оратором, это, что называется, каждая собака знала в Советском Союзе и за его пределами. И сама по себе эта запись, она... это уж нравы сталинского времени, особенно конкретного Льва Мехлиса в прошлом, начальника главного политического управления, то есть главного комиссара Красной армии, были такие.

Тот же самый дневник Гельфанда можно было совершенно спокойно как контрреволюционный квалифицировать. Контрреволюционный, такая формула, там была статья 58, 58-я статья о контрреволюционных преступлениях, государственных преступлениях. Там много было пунктов разного рода, в том числе наиболее популярных, популярных в кавычках, в том числе обсуждённых 58-10. Это антисоветская агитация и пропаганда.

И огромное большинство того, что я видел в делах военного времени, это людей за слова сажали. Что там за дневник?! Не то сказал. Например, клеветал на советскую печать. Основание для ареста. Клеветал на сообщение Совинформбюро. Клеветал на колхозный строй. Ну, если перевести на русский язык, то не верили люди тому, что пишет печать, не верили сообщениям советским. И правильно делали, потому что там в сплошь и рядом шли сообщения о том, сколько уничтожено там солдат и офицеров противника, военной техники и прочее. При этом почему-то всё новые и новые территории сдавались. Сдавались противнику.

И там в дневниках есть замечательный Михаил Пришвин. Я уже не говорю о дневнике военного времени, но для тех, кто военнослужащие, дневники ведь вели военнослужащие, есть замечательные дневники Михаила Пришвина, Всеволода Иванова, писателя. И они в одном тушу, по-моему, это у Пришвина, что никто радио не может слушать, настолько оно действует просто раздражающе, угнетающе, как угодно. И прочее.

Но есть подобные записи, например, Георгий Славгородский. Я ещё поучаствовал в издании дневника Георгия Славгородского, посмертно изданного через много лет после его гибели, он погиб в 1945 году, к сожалению, прошёл всю войну и погиб на территории Польши. Он записывает, например, слова одного из своих сослуживцев по поводу публикации светской печати. «Всё брехня. Всё цэ брехня». Вот за эту фразу можно было 58-ю записать. И тот же самый Славгородский в дневнике он что-то такое записал, но тоже можно было бы его как-то квалифицировать с контрреволюционером.

Поэтому это вопрос структуры. Это в подавляющем большинстве, почти все, это были советские... Ну, там есть действительно дневники некоторые критичные к власти как таковой. Их очень мало, но есть такие, встречаются. Но в основном это пишут советские люди, которые недовольны тем, что война ведётся как-то не так по их мнению.

Или Борис Комский, абсолютно такой советский патриот, комсорг и так далее. Вот он написал, что как ему рассказали, как погибла его рота, остатки его роты. Что пьяный капитан Фронель повёл роту в лобовую атаку. Запросто могли пришить клевету на Красную армию. А это, конечно, вряд ли можно сомневаться, что то, что он записал, так оно и было. Это ему рассказал один из немногих выживших после этой вот

страшной атаки, когда этот самый пьяный, так сказать, маленький военачальник повёл роту на поле битвы. Так что вот таким образом.

И это как раз то, о чём я говорю, представьте, именно и только в дневниках. Об этом не писали (в письмах) домой. А если кто-то находился, кто писал, следующего письма вряд ли дождались бы его родители дома там и так далее.

Вот, пожалуйста, если еще есть вопросы?

Олег Витальевич, да. Спасибо большое за лекцию, спасибо большое за книгу вышедшую. Я прошу прощения за свой экран, у меня проблемы с камерой. У меня на самом деле много вопросов, я постараюсь там... Я хотел спросить, проводились ли исследования дневников вот, собственно, Второй мировой войны, да, Великой Отечественной, и, соответственно, дневников, понятно, что их было меньше, но они тоже были, дневников Первой мировой 14-18 годов, российские дневники, я имею в виду, и, соответственно, были ли сравнительные исследования дневников советских и дневников, которые велись опять-таки, там, в германской армии, я не знаю, в германском обществе, или в войсках союзников.

Вот, и, извините, ещё один такой вопрос, но он уже такой скорее общепhilosophический, наверное. Вы, как человек, прочитавший очень много дневников, мне интересно ваше мнение о военных. Вот этот момент с рефлексией и, собственно, рефлексией не только, понятно, над самим собой, самими переживаниями, но и над окружающими людьми. Вам чаще попадалось рассуждение о том, что война портит людей? Или же скорее, там, война, не знаю, позволяет что-то, ну, как-то наоборот...

Выявить лучшее у человека.

Да-да-да. Вот я понимаю, что там будет и такое, и такое. Что чаще встречается?

Мне практически не встречалось в дневниках, что война что-то такое лучшее в человеке выявляет. И я хочу сказать, что это мифологема. С моей точки зрения, это абсолютный миф. Война – это страшное дело. Так она никого не делает лучше. Справедливая война или несправедливая, на войне убивают. И на войне жертвуют жизни других людей.

Я прошу прощения, Олег Витальевич, я, наверное, плохо сформулировал вопрос. Меня, наверное, немножко другое интересует. Смотрите, понятно, что это мифологема. Там, как бы, да, героическая сторона...

То есть, есть ли об этом в дневниках? Вы это имеете в виду?

Нет, нет. Нет, не это. Я имею в виду момент, скажем, когда автор дневника фиксирует некое своё удивление от того, что он ожидал, что люди будут вести себя одним образом, а они ведут себя другим образом. Собственно, там дневник Гельфанда о том, что он советский патриот, и он сталкивается, собственно, с реальностью, которая не совпадает с его представлением о войне, об армии. И понятно, что он будет поражён, как это там, не знаю, в армии воруют, в армии бьют. Нету никакого интернационализма. Понятно, что он фиксирует своё столкновение с тем, что он ждёт одного, а встречает более худшее поведение. Но я имею в виду, что наверняка же были и случаи, когда люди ожидали, уже имея военный опыт, уже имея, что война – это ужас, тем не менее сталкивались с какими-то неожиданными проявлениями человечности. Насколько это часто встречается в дневниках? Наверное, это я имею в виду.

Ну, не слишком. Там встречаются записи тех или иных воинских достижений того или иного военнослужащего. Но вот это рассуждение о том, что... встречаются записи, люди обретают друзей иногда на войне, и очень нежно к ним относятся. Там вообще дружба на войне – дело такое. Так, чтобы часто встречающаяся, во-первых, колоссальная текучка была, очень высокий уровень потерь и много чего другого. Там такого, что... а вот смотрите, какие там люди оказались человечные, ну, крайне редко. Крайне редко.

Отвечая на другие ваши вопросы, можно ответить одним словом — нет. Значит, нет сравнительных исследований дневников Первой и Второй мировой войны, насколько мне известно во всяком случае. Так, кто-то такое в дневниках, это сравнивал письма из Сталинграда советские и немецкие. Это Юшин Хельберт была об этом статья. Так, дневников не припомню, честно говоря, чтобы были такие исследования сравнительные.

Вообще таких специальных исследований о дневниках военного времени я не припомню, чтобы... Ну, была, условно говоря, монография какая-то. Есть на эту тему рассуждения в тех или иных статьях, предваряющих нередко публикацию этих самых дневников. Но, по-моему, не припомню.

Не могу вот так вот рекомендовать какую-то конкретную книгу или статью на эту тему, ну разве что за исключением своей собственной, да, главы моей самой книжки «Люди на войне».

Спасибо большое.

Коллеги, ещё вопросы?

Олег Витальевич, если позволите, у меня есть пара вопросов. Первый. Известны случаи, когда дневники советских военнослужащих попадали в руки собственно немцев и переводились на немецкий язык. Для чего

это делалось и как они использовались потом? И известно ли было, насколько широко об этом было известно в советской армии и могло ли это влиять вообще на ведение дневника?

Ну для чего это делалось, понятно. Для того, чтобы там какую-то информацию извлечь. Вот смотрите, ведь переводил дневник переводчик, да? Пользователем был соответствующий военачальник того или иного ранга. Ему нужно было отдать материал.

Потом у немцев надо понимать, что у них работала пропагандистская машина и довольно эффективно работала. Там была такая «Винета», у них специальная служба пропагандистская и так далее. Им нужно было, они хотели понять, что из себя представляют советские солдаты и как, на каком языке с ними говорить.

В этом плане дневники, конечно, - у них была масса пленных, с которыми можно было общаться. Но дневник это тоже был такой, вполне себе интересный материал для составления представления о советских военнослужащих. И иногда это использовалось в пропагандистских целях, то есть какие-то фрагменты публиковались.

Была обратная сторона. У немцев как раз много людей дневники писали. Все это велось там, поощрялись, не запрещалось. И иногда эти дневники захватывали, как правило, на трупах убитых. И это использовалось в процессе пропаганды. В частности, Л. неоднократно их цитировал - дневники немецких солдат.

Спасибо вам. И второй вопрос. Если говорить об этом элементе, как положено в дневниках советских солдат, существовали ли образцы, то есть распространены ли были в периодической печати и в литературе тексты в дневниковой форме в военные годы?

Нет, не встречалось. Ведение дневников совсем не поощрялось. Считалось, что их запрещено вести. Их на самом деле запрещали вести в подавляющем большинстве вероятных случаев. Например, Борис Комский после войны рассказывал, почему так вот вел дневник, хотя это запрещено: «Я не знал. Если бы знал, так я бы не вел».

Гельфанд, он читал иногда свои эти самые записи товарищам, но обычно это ничего, кроме издевательств, не вызывало.

Однажды вдруг, там такой был момент, вдруг вот резко меняется стиль. И он пишет, о том, как здорово, значит, вот у нас тут теперь политрук, который мне там объясняет, что надо делать, как вести дневник. Что я должен писать о боевых делах нашей части, о том, как политрук проводит работу и все такое прочее.

И какой-то текст какой-то такой странный, до нелепости. Потом через несколько дней появляется: «наконец-то я избавился от политрука!»,

который с ним в одной землянке жил. «Теперь я могу писать вообще все, что хочу» - в таком духе.

Так что вот такие были наставления. Он не запрещал ему вести дневник, но объяснял, как и что он должен там писать. Но он, имея под боком этого политрука, писал. Чтобы чем-то ему, если не угодить, то, во всяком случае, не вызвать как-то негативную реакцию. Потом он стал писать. И опять все такое, что... Потом он тогда пишет, «какие глупости я писал раньше в дневнике», в таком духе.

Ну, потом это прошло, и он вернулся к этим самым глупостям, в кавычках, конечно, которые для нас представляют наибольший интерес.

Transkribiert von [TurboScribe.ai](https://www.turboscribe.ai).